

Латиф Махмудов

БЕДКУТ

РАССКАЗЫ

Перевод с узбекского

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1975

С(Узб)2
М36

Переиздание

Перевёл с узбекского
ЭРВИН УМЕРОВ

Рисунки
И. МАХОВА

Махмудов Л.

М36 Беркут. Рассказы. Переизд. Пер. с узб. Э. Умеров. Рис. И. Махова. М., «Дет. лит.», 1975. —

64 с. с ил.

Рассказы о мальчишках и девчонках, о романтиках и мечтателях, о весёлых и добрых фантазерах. В книгу входят шесть рассказов — «Тайна чинары», «Очкарик», «Беркут» и др.

М $\frac{70802-060}{M101(03)75}$ 321—75

С(Узб)2

ТАЙНА ЧИНАРЫ

Наш дом стоит у речки. Рядом растёт большая чинара. Говорят, этой чинаре больше трёхсот лет. Она огромная и ветвистая и издали похожа на большой раскрытый зонт.

Ещё говорят, что в большом дупле чинары водятся змеи. Но это неправда. Однажды мы спустились с Рахмáтом в дупло. Оно глубокое, тёмное и сырое. В нём пахло плесенью и было чуть-чуть страшно. А змей там не оказалось. Даже дождевых червей не было.

Под чинарой сделано невысокое глиняное возвышение — «супóй» называется. На этой самой супе, которая почти упирается в дувал¹ нашего сада, вечно сидит Салím-атá. С утра до ночи сидит и дремлет, на реку смотрит.

¹ Д у в á л — глинобитный забор.

Попробуй подойди к чинаре! И чего такого нашёл здесь дедушка, никак не пойму. Подремать охота — шёл бы домой, на мягкой постели спал бы. А смотреть... Ну чего смотреть на эту речку, где, кроме гамбузят, никакой рыбы не водится? И то, конечно, если гамбузят можно считать рыбой.

В общем, непонятный человек этот Салим-ата. Недавно Рахмат рассказал, что собственными глазами видел, как вечером дед дремал, прислонившись к стволу чинары, а утром смотрит — старик всё ещё сидит в том же положении.

— Тут скрыта какая-то тайна, — решил Рахмат. — Не то чего бы ему днём и ночью караулить эту несчастную чинару?!

— Чепуха, — сказал я. — Салим-ата старей человек, и сидит он здесь просто потому, что это ему нравится.

— Ха! Придумает же! — фыркнул Рахмат. — Папа всегда говорил, что чинара — это история!

— История?

— Ну в том-то и дело! — Он вплотную подошёл ко мне и таинственно зашептал: — История, о которой говорил папа, лежит именно под этой самой супой, я уверен.

— Под супой? — изумился я.

— Вот именно. Рассуди сам, Мурад, почему Салим-ата не подпускает нас к дереву, днём и ночью сторожит его? Конечно же, он сторожит не супу и не дерево. Он тайник охраняет, зарытый под супой. Где-то, наверное, сотни учёных ищут его, а тут Салим-ата восседает на нём! Понял теперь?

Я молча кивнул. Как не понять — всё очень ясно. Только почему не я, а Рахмат об этом догадался? Признаться, кроме него, никто и не придумает такое, потому что он и книжки про всяких шпионов читает и сам хочет стать разведчиком.

Рахмат задумчиво поглядел на чинару, потом заговорил опять, теребя мой рукав.

— Послушай, Мурад, если мы разыщем эту историю, то на экзаменах запросто получим пятёрки. Нас и спрашивать не станут. Ты знаешь, почему многие учёные называются учёными? Раскопал под землёй какой-нибудь горшок или каменный топор — вот ты и учёный. Вот бы добраться до этого тайника! Кто знает, может, мы тоже... Верно ведь?

— Вообще-то верно, — ответил я, взволнованный словами друга, хотя не раз слышал, что стать учёным не лёгкое дело, — только вот...

— Что только?

— Да сидит же вечно Салим-ата на этой супе! Как её раскопаешь?

— А! — пренебрежительно махнул рукой Рахмат. — Всё это проще простого. Ты соглашайся, а остальное я обдумал.

Надо соглашаться, но на душе как-то беспокойно. И отказываться не хочется: вдруг Рахмат прав и под супой в самом деле зарыт таинственный клад?

— Будь что будет, — сказал я. — Только давай без фокусов.

— Какие фокусы! — огрызнулся Рахмат. — Мы просто проведём подкоп из вашего сада под супу. Как-ких-нибудь полтора-два метра — и мы у тайны, которую хранит Салим-ата. — А если ничего не найдём, закупаем подкоп, вот и всё, — продолжал Рахмат.

— Что ж, это неплохо придумано, — согласился я.

Рахмат тут же побежал домой и принёс лопату. Есть у него такая лопата, с короткой ручкой. «Штыковая» называется.

Мы принялись за дело...

Пять дней, как кроты, рыли мы этот подкоп. Работали по очереди. Когда Рахмат подавал из ямы на-

полненное землёй ведро, я смотрел на его чумазую рожищу и меня разбирал смех. И Рахмат смеялся, глядя на меня. Потому что моё лицо тоже было грязное, как у чёрта.

Мы шикали друг на друга: шуметь ведь нельзя — за дувалом сидит Салим-ата.

Вдруг лопата ударилась обо что-то твёрдое. Рахмат выскочил из ямы.

— Есть! — сказал он отрывисто. — Дальше копать опасно! Надо подождать, пока старик уйдёт обедать.

— Может, он уже ушёл?

— Надо посмотреть, — сказал Рахмат.

Я забрался на дувал и выглянул на улицу.

Салим-ата, как всегда, восседал на супе и через толстые очки читал потрёпанную книжку, написанную арабскими буквами. Перевернёт страницу, отхлебнёт из пиалы чаю и опять водит пальцем по строчкам. И охота ему читать такую старую книгу! Шёл бы лучше обедать. Ведь давно прошло время обеда.

Я спрыгнул вниз и предложил сбегать поесть. Рахмат сразу согласился.

Когда мы вернулись, старика не было. Рахмат полез в подкоп. Я схватил ведро, которое он подал оттуда, высыпал землю и дрожащими от волнения пальцами стал просеивать её.

Просеиваю, а сам думаю: «Сейчас я найду такую вещь, которая даже не снилась учёным всего мира!»

Я перебирал землю, но, кроме фарфорового черепка от разбитой пиалы и пожелтевшей бараньей кости, ничего не нашёл. Я внимательно разглядывал свои «археологические» находки, когда вдруг что-то ухнуло. Из норы выполз Рахмат. Он был насмерть перепуган, с него сыпалась земля.

— Супа обвалилась,— сообщил он, задыхаясь,— еле выбрался.

Я залез на дувал. Верно, супа исчезла. Вместо неё под чинарой зияла яма. «Хорошо, что старик ушёл»,— подумал я с замирающим сердцем и спрыгнул обратно.

— Чего прыгаешь как козёл! — накинулся на меня Рахмат.— Надо подкоп засыпать.

— А супа?

— Что супа! Подумают, пришло время обвалиться — вот и обвалилась. Главное — заделать дыру с этой стороны.

Мы сгребли в яму всю землю, утрамбовали. Притащили пенёк, который лежал неподалёку. Он целиком накрыл то место, где мы недавно вели раскопки.

Рахмат забрался на пень. С него теперь можно было свободно разглядывать улицу.

— Смотри-ка! — ухмыляясь, повернулся ко мне Рахмат.

Я поднялся на пенёк.

По улице шёл Салим-ата.

Старик медленно приближался к чинаре, тяжело опираясь на палку и глядя себе под ноги. «Чему Рахмат радуется? — подумалось мне вдруг.— Ведь Салим-ата ничего плохого нам не сделал, а мы развалили его супу».

Приблизившись к чинаре, дед растерянно остановился. Он стоял долго, сгорбившись, и, часто-часто мигая, смотрел на развалившуюся супу. Потрогал обломанные катыши, попробовал сдвинуть ком земли — не смог. Вздыхнул и беспомощно огляделся по сторонам. Постояв ещё немного, старик ушёл. Шёл он спотыкаясь, хотя и глядел себе под ноги и дорога была ровная.

Мы не могли смотреть друг другу в глаза. Отошли

в сторону, сели. Рахмат обхватил колени, опустил голову и долго сидел неподвижно и молча. Я не мог забыть, как дедушка Салим попробовал поднять слабыми своими руками небольшой ком земли и не смог. Что-то застряло у меня в горле, и дышать было трудно.

— Что ж мы наделали, а, Рахмат? — выдавил наконец я из себя.

— Да отвяжись ты, разве я виноват, если эта чёртова супа обвалилась?

— Мне жалко дедушку. Всё это твои глупые выдумки!

— А я тебя заставляю?

— Не заставлял, конечно, — ответил я упавшим голосом, — но придумал такое...

— Хорошо, а почему же ты согласился? Если бы не ты, то я... то не было бы этого... Ты лучше радуйся, что никто не видел, а то попало бы обоим!

— Сам радуйся, а мне нечего...

— Тогда беги и расскажи, что я во всём виноват.

— Сам иди, если хочется!

— Беги, беги, кричи во всё горло, говори всем, что я нарочно развалил дедушкину супу!

Рахмат неожиданно всхлипнул и потёр грязным кулаком щёку. Мне стало жалко его. Рахмат никогда не плакал. Он не плакал, даже когда сорвался с крыши и расшиб коленку.

Я положил руку ему на плечо.

— Не обижайся на меня, Рахмат. Я тоже виноват. Не нужен был нам этот подкоп.

Мы посидели ещё немного, потом разошлись.

Дома я взялся за книжку, решил почитать. Целый час сидел над одной страницей, но так ничего и не понял.

Вернулся с работы папа. Всегда весёлый и шумный, сегодня он был чем-то расстроен. Даже от еды

Постояв ещё немного, старик ушёл.

отказался, переоделся и ушёл. И мама заторопилась за ним.

— Мураджан, сынок,— сказала она,— ты поужинай один, а я сбегаяю к Салим-ата. Он что-то занемог сегодня. Папа пошёл за доктором, а я отнесу ему поесть...

Я перекусил, разделся, лёг на койку и долго ждал папу и маму. За окном стало чёрно, часы пробили десять. Я не заметил, как уснул.

Утром меня разбудил Рахмат. Я взглянул на него и испугался: лицо у него было хмурое, осунувшееся.

— Заболел, что ли? — спросил я.

В комнате по полу бегали солнечные зайчики.

— Нет, просто не спал всю ночь,— ответил Рахмат.— Всё кошмары какие-то снились.

— Знаешь, Салим-ата заболел,— сказал я.— Вчера мой папа доктора к нему приводил.

— Знаю,— ответил Рахмат.— Сейчас моя мама пришла с ночной смены и сразу побежала к нему.

— Салим-ата очень добрый,— сказал я, вздохнув.— Когда я болел, он приносил мне разные вкусные вещи.

— А мне он всегда леденцовых петушков приносил с базара,— сказал Рахмат.

— Знаешь, Рахмат, давай купим ему халвы. Старики любят халву.

— Давай,— согласился Рахмат.— У меня есть рубль. Накопил, чтобы бинокль отдать в ремонт. Стекло одно выскочило.

— И у меня рубль. Сложимся, как раз хватит на халву. Пошли? Пошли?

— Пошли.

Халву нам положили в большой кулёк. Мы несли его по очереди. От него очень вкусно пахло.

Свернув на свою улицу, мы увидели грузовик. В кузове на кирпичах сидели мой папа и дядя Мирзакарим, папа Рахмата. Заметив нас, они остановили машину и помогли взобраться к ним.

— Вы что по городу бродите? — спросил папа сердито.

Я сказал, что мы вовсе не бродим, а ходили покупать халву для Салим-ата.

Дядя Мирзакарим улыбнулся, подмигнул нам и освободил место рядом с собой. Потом повернулся к папе.

— Так слушай, что было дальше, — сказал он. — В ту пору стояли невиданные морозы. Наш старший сын тогда грудным младенцем был. Жена шла с ребёнком по тропинке вдоль реки. И вдруг неподалёку от этой самой чинары поскользнулась и упала. Мальчик отлетел в сторону, а она соскользнула в реку. Её оглушило, и она бы, конечно, задохнулась, если бы не подоспел на помощь сын Салим-ата. Жену мою он спас, а вот сам простудился, тяжело заболел и вскоре скончался. Вот почему для старика так много значат и река, и тропинка, и чинара...

— М-да-а... — задумчиво протянул папа.

— С тех пор старик совсем один, ни детей, ни родни... А сын его уже в те времена был видным поэтом. Даже книга у него вышла. У старика всего один экземпляр сохранился.

— Вот эту-то книгу он и потерял! — воскликнул папа. — Не помнит, куда положил, — стар уже Салим-ата, стар.

— Сколько мы его ни просили перейти к нам жить — не соглашается. Трудно ему, а тут ещё такая неприятность: потерял единственную память о сыне — книгу.

Машина подъехала к чинаре и остановилась. Так вот куда везли кирпичи: новую супу будут делать!

Когда мы помогли разгрузить машину и она отъехала, Рахмат отвёл меня в сторону.

— Ты не уходи домой. Дело есть,— сказал он тихо.

— Какое ещё дело?

— Знаешь, книга Салим-ата, наверное, упала в яму.

— Откуда ты взял, может, он её потерял в другом месте?

— Нет,— покачал головой Рахмат.— Помнишь, когда он подошёл к супе, на уцелевшем краю стояли чайник и пиалы? Значит, он оставлял здесь и книгу. Не найдя книги, он подумал, что потерял её где-то в другом месте. Сказал же твой папа, что стар уже Салим-ата. Ведь правда стар! Вот он и забыл!

— Ве-ерно,— протянул я удивлённо и подумал: «Как это не пришло мне в голову? Вот ведь Рахмат до всего додумается!»

— Раз-два, и выкопаем книжечку! — сказал я.— Где твоя лопата?

— Ха, лопата! — фыркнул Рахмат.— Придумаешь же такое! «Раз-два»! Тут особая осторожность нужна... Это книга поэта-героя. Она, может быть, одна-единственная на весь мир. А ты — «лопата»!

Я промолчал. Ну что с ним спорить! А потом ведь... он прав.

Мы подошли к супе и стали осторожно разбирать обломки. Когда вытащили все крупные куски, Рахмат наполнил тубетейку землёй и протянул мне. Я передал ему свою шляпу. Дело пошло веселее.

Мы провозились часа три. Я уже сомневаться начал, и Рахмат тоже, когда вдруг показался уголок книги. Мы её тихонько извлекли, очистили от земли, приладили помятые листы.

На душе стало легко и радостно.

— Пошли отнесём деду книгу,— сказал Рахмат.— Ты возьми халву, а я понесу книгу.

— А что мы ему скажем?

— Лучше всего, конечно, рассказать всё, как было. Я сам извинюсь перед ним. И ещё я его буду просить, очень-очень просить, чтобы теперь он жил у нас. Как ты думаешь, он согласится?

Рахмат посмотрел на меня с такой надеждой, будто всё зависело от меня.

— Конечно, согласится,— сказал я.

Я почему-то был уверен, что Салим-ата непременно переедет к ним, если Рахмат будет просить его об этом. Очень-очень.

ОЧКАРИК

Солнце светит ярко. Светит, но совсем не греет. Осень, ничего не скажешь...

Я сижу на плоском камне у нашей калитки. Он давно здесь лежит. Папа говорил, что меня ещё на свете не было, когда камень лежал здесь.

Я люблю сидеть на этом камне. Летом к нему не притронешься — до того горячий, а сейчас он чуть тёплый. Ничего не скажешь, осень...

Листья на яблонях и урючихах жёлтые, как лимоны. Они срываются с веток и, шелестя, падают на землю. Если проедет машина, они будто оживают и кидаются ей вдогонку.

Высоко в небе, каркая как оглашенные, летают вороны. Они кружатся над орешинной, которая растёт в соседнем дворе. Хозяева не все орехи сняли, оставили немного и воронам — вот они и пируют.

А хозяева эти, высокий мужчина и маленькая

светловолосая женщина, почти и не жили здесь. В доме осталась старуха. Рахмат говорит, что это мать высокого мужчины. А мужчина с женой будто бы уехали в командировку.

— Они, кажется, геологи,— сказал он,— с рюкзаками за плечом ходят по горам, пустыням и тайге, ищут нефть и всякие металлы.

Интересная у этих геологов жизнь. Любой может позавидовать. Вот бы нам с Рахматом стать геологами! Уж мы-то нашли бы всё, что полагается...

— Эй, Мурад!

Это, конечно, Рахмат. Его голос можно и во сне узнать. Я нехотя обернулся. Рахмат стоял, наполовину высунувшись из своей калитки, и знаками подзывал меня.

— Чего тебе? — крикнул я с места.

Всё-таки хорошо сидеть на этом камне, который намного старше тебя и который чуть-чуть нагрелся от солнца. Вставать не хотелось.

Рахмат делал какие-то знаки и ухмылялся.

— Иди быстрее, иди... Хочешь посмотреть цирк? Там настоящий цирк!

Он схватился за живот и скорчился от смеха.

— Где цирк? Какой цирк?

— Иди, сам увидишь...

Рахмат продолжал дёргаться от смеха, как заведённая игрушка. Я подождал немного, пока он успокоится.

— Показывай давай, чего же ты...

— Идём, сейчас увидишь.

Мы вошли во двор.

— Подожди,— бросил мне Рахмат и забежал в сарай.

Оттуда он вышел с лестницей, под тяжестью которой согнулся пополам. Рахмат натужно сопел и кричал, но дотащил лестницу до дувала, приставил её и

с таинственным видом полез вверх. Я с удивлением наблюдал за ним.

Рахмат уселся на дувале, лихо сдвинул набок тюбетейку.

— Эй, девица-красавица! — заорал он, перегнувшись в соседний двор и гримасничая. — Красавица, как вас зовут?

Ну, это уж слишком! Рахмат решил подшутить надо мной, только из этого ничего не выйдет. Я-то знаю, что геолог с женой уехали, и дома осталась одна старуха, и никакой «красавицы» там нет. Конечно же, Рахмат решил просто разыграть меня. Ну и пусть ломается.

— Глянь на меня, красавица, и за один твой взгляд я подарю тебе целую охапку усьмы, чтобы ты брови себе насурьмила!

Рахмат отколупнул от дувала кусочек сухой глины и кинул в соседний двор. Довольно хихикнул. Мне почудилось, что за стеной кто-то ходит. Я прислушался. Кто-то и впрямь тоненьким голоском крикнул Рахмату:

— Перестань сейчас же!

Рахмат обернулся ко мне и лихо подмигнул. Вот, мол, видишь, всё правда, а ты не верил.

Теперь я с ещё большим удивлением посмотрел на него. Это верно, что Рахмат терпеть не мог девочек, но откуда взялась девочка в соседнем дворе?

— Мурад, да поднимись ты поскорее, полюбуйся на неё, стройную, как тополь, и красивую, как луна!

Я бы давно взлетел на дувал, если бы не боялся подвоха. От Рахмата всякого можно ожидать. Я не спеша поднялся по лестнице. Глянул во двор и от разочарования чуть не скатился вниз. Никакой девочки там не было. И цирка тоже не было. Просто там у кучи мусора возился какой-то мальчишка.

— С кем ты разговаривал, Рахмат? — удивился я.— И кого ты хотел мне показать?

— Да вот эту девчонку, кого же ещё,— сказал Рахмат и опять кинул кусок глины в мальчика.— Ты только полюбуйся, как ловко подметаает!

Мальчик даже не глянул в нашу сторону, будто нас и не было. А Рахмат продолжал подмигивать и кривляться.

Мальчик притащил ведро и высыпал в него сор.

У меня пропал всякий интерес. Я уже хотел спуститься, когда мальчик прислонил веник к дереву и медленно, будто нехотя, направился к дувалу. Он был очень худой и оттого казался длиннее, чем на самом деле. И ещё на тонкий нос его были насажены круглые, в железной оправе очки.

Он подошёл совсем близко к дувалу и долго разглядывал нас большими и очень грустными глазами.

Мне отчего-то стало не по себе.

— Ну чего уставился, людей не видал, что ли! — крикнул хриплым голосом Рахмат.

Мальчик как-то изменился, стал будто меньше.

— Не видал,— тихо ответил он,— таких не видал.

Помолчал, потом обиженно спросил:

— Почему вы меня дразните? Я ведь вам не мешаю.

Мы не ответили.

— Если нужно, вы можете прийти ко мне в любое время,— сказал мальчик в очках,— а через стенку к чужим подглядывают только враги.

Рахмат так и подскочил на месте.

— Чего сказал! Это я-то враг?

Мальчик посмотрел на него и замигал глазами.

— Я тебе сейчас покажу, очкарик! — взвыл Рахмат.— Это меня-то ты называл врагом?

Рахмат иногда взрывается как порох, только он не любит драться. Любит, когда его успокаивают.

Я поймал его за рукав.

— Да брось ты! — сказал я.

— Не слышишь, врагом меня обозвал!

— С чего это ты взял? Не обзывал он тебя. Он просто к примеру сказал.

— Если бы ты не удержал, я бы ему показал, — мрачно заявил Рахмат и спустился вниз.

Мы отнесли лестницу на место.

— Кто это такой? — спросил я просто так. А вообще-то я догадывался, что очкарик — сын геолога.

— А! — сплюнул сквозь зубы Рахмат. — Я его и знать не хочу, девчонку эту. Позавчера он посуду мыл, вчера картошку чистил, а сегодня — ты сам видел — двор подметает. Как полезу на айву, так всегда вижу — девчачьими делами занимается.

Рахмат опять презрительно сплюнул.

— Ладно, — сказал я. — Пойдём лучше на улицу, погреемся на солнышке. Говорят, осеннее солнце полезно человеку.

— Ха! — усмехнулся Рахмат.

— Не фыркай, — сказал я. — Мы там подождём моего папу. Он должен на обед приехать.

— А, вот это дело! Может, он нас покатает?

— Может быть.

Мой папа шофёр. Иногда он приезжает домой обедать. А пока папа ест, мы сидим в кабине, где пахнет бензином и особым, машинным запахом. Крутим баранку по очереди.

Если папа не спешит, тогда он подвозит нас до универмага, а оттуда мы возвращаемся пешком.

Мы сидим на плоском камне вдвоём, смотрим, как дерутся вороны, и ждём папу. Если одна ворона роняет свой орех, другая на лету подхватывает его клювом и кидается прочь. А та, что осталась без ореха, дразнится от злости:

«Карр, ка-арр-р! Карр!»

Мы смеёмся. «Кар» по-узбекски значит «глухой». Разве глухие вороны бывают?

Мимо нас проходит очкарик. Его босоножки мягко ступают по жёлтым листьям, усыпавшим дорогу. Рахмат отворачивается, лениво говорит мне, кивая на разгалдевшихся ворон:

— Эх они разорались!

Папа всё не едет. Солнце уже отодвинулось и спряталось за урючинами и яблонями, и вороны притихли, будто надоело им драться.

— Послушай,— говорит Рахмат, поёрзав на месте,— пойдём к универмагу: ведь твой папа всегда едет мимо универмага. Мы остановим его, и он доведёт нас до дома.

— Пошли, всё равно уже солнца нет,— отвечаю я.

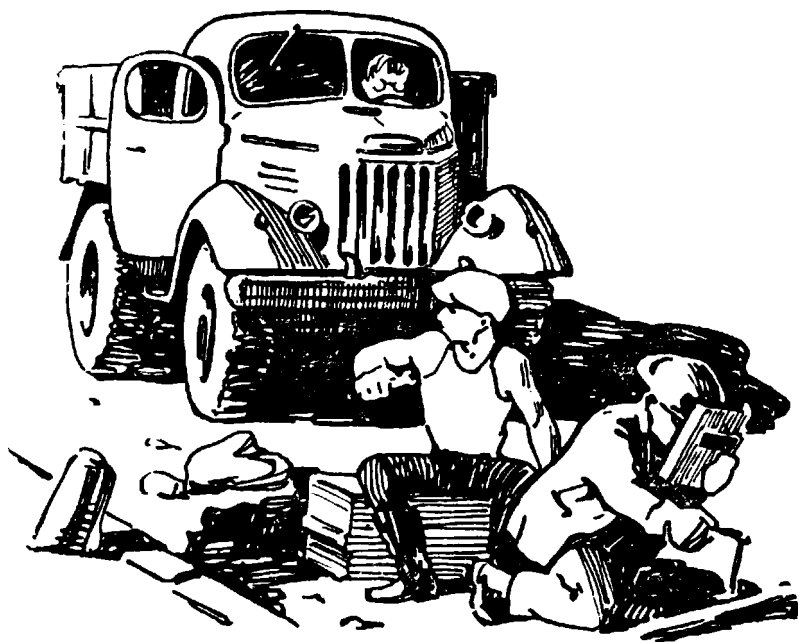
Мы сразу всё увидели.

Папина машина стояла за углом универмага, у будочки, где написано «Табак». И папа, стоя у круглого окошка, с кем-то разговаривал.

Мы увидели, как вдруг машина тронулась с места, как из кабины выскочили мальчишки и бросились врассыпную. А машина, глухо урча, прямо направилась к канаве, где возились водопроводчики.

Они работали, сидя на корточках, и не замечали, как тяжёлая машина надвигалась на них. Ещё десять шагов — и грузовик врежется в канаву, наедет на водопроводчиков.

Я хочу закричать, но не могу — оцепенел от ужаса. И тут из универмага кто-то выскакивает, прыгает в кабину. Машина резко останавливается, скрипнув тормозами. Водопроводчики удивлённо поднимают головы. Они только теперь поняли, какая им грозила опасность.

Папа бросается к машине. Но тот, кто остановил машину, уже вышел из кабины и исчез в толпе, которая собралась вокруг. Папа ищет его глазами, но не находит. Потом что-то объясняет милиционеру и уезжает.

Когда я пришёл домой, папа сидел за обедом. Мама стояла напротив, скрестив руки.

— Я только папиросы хотел купить,— рассказывает папа взволнованно,— и поэтому не выключил мотора. Если бы не этот мальчишка, который выскочил из универсама...

— Ай! — испуганно вскрикнула мама и бессильно опустилась на стул.— Он опрокинулся вместе с машиной?!

Папа вскочил, подал ей воды.

— Успокойся, пожалуйста,— сказал он.— Я же тебе объяснил, что всё обошлось благополучно. Вот этот-то парнишка, он примерно одного возраста с нашим Мурадом, и остановил машину. Ручной и ножной тормоза привёл в действие, пострелёнок, да сделал это так, будто он шофёр первого класса!

Папа отхлебнул воды, потому что сам тоже разволновался.

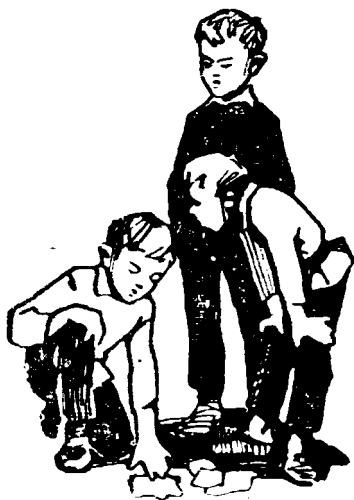
— Слава богу, всё обошлось,— вздохнула мама.— А чей это мальчик? Откуда он?

Папа помолчал, пожал плечами:

— Не знаю, остановил машину, соскочил и исчез. Я даже лица его не запомнил, боюсь, встречу — не узнаю.

Я опустил голову, повернулся и вышел. Я знал, кто был этот мальчик. Я видел его, и Рахмат тоже видел.

Это был очкарик, наш новый сосед.

ЭТО НАДО ВЫЯСНИТЬ

Газета валялась на полу. Изорванная на кусочки, смятая и истоптанная грязными башмаками. Три дня её писали и раскрашивали. Только вчера вывесили рядом с доской. А теперь она валялась на полу.

Ребята столпились у дверей, где раньше висела газета.

— Надо же, а! — удивлялись одни. — Изорвать на мелкие-мелкие кусочки! Кто же это, интересно?

— Ни стыда, ни совести! — возмутились другие. — Кто мог это сделать?

— Кто мог! — воскликнул вдруг Рахмат. — Конечно же, те, кого критиковали.

Все притихли.

А критиковали в газете Аскара, который вечно жуёт на уроках, и Тургуна за то, что всегда опаздывает да ещё в чехарду играет в классе. Конечно же, газету изорвал один из них. Но кто?

Вопрос повис в воздухе. И опять все принялись гадать.

— Аскар не мог,— сказала Насибá.— Ведь он такой коротыш!

— А может, он на стул забрался?

— Куда ему, всё равно не достанет!

— Подпрыгнул и достал!

— Подождите! — вскричал Рахмат.— Не спорьте. Я знаю, это сделал Тургун. Он выше всех в классе — это раз.— Рахмат загнул мизинец.— А когда мы оформляли газету, он заглядывал в дверь и строил нам рожи — это два.— Он загнул второй палец.

— И его критиковали — три! — сказала Насибá.— Надо дать ему взбучку! — решительно махнула она кулачком.— До каких пор будем терпеть его выходки?

— Правильно! — обрадовалась Джамиля.— Вы только посмотрите на его парту.

Ребята окружили обшарпанную, изрезанную парту. Она была облита чернилами, откидная крышка пестрела буквами «К» и «Т». И чего только на ней не было вырезано: якорь, самолёт, пароход и ракеты.

— Ты тоже хороша! — возмутилась Насибá.— Сидишь с ним вместе и молчишь!

— Легко сказать! — протянула Джамиля.— Попробуй только пикни, а домой будешь идти... Ой!..

Джамиля проворно юркнула в сторону и спряталась за спинами подруг. В распахнутое окно медленно лезла нога в узконосом ботинке. Затем появилась вторая нога, затем туловище и, наконец, ухмыляющаяся, довольная физиономия Тургуна. Он спрыгнул в класс и верхом уселся на парту. Все смотрели на него, хмурые, молчаливые.

— Ты не можешь через двери ходить, да? — крикнула из своего укрытия Джамиля.

Тургун лениво повернулся в сторону, откуда до-

носился её голос. Он сделал такое удивлённое лицо, будто это заговорила парта или тряпка, которой вытирают доску. Затем Тургун как бы нехотя поднялся, обошёл девочек и потянулся к косичке Джамили. Насиба ловко поймала его за руку.

— А ну скажи, почему ты сорвал газету? — крикнула она.

Мы молча подошли и плотным кольцом окружили его. Тургун побледнел и не стал вырываться.

— Тебя спрашивают! — встряхнула его Насиба.

— А чего вы там пишете? — огрызнулся Тургун.

— Сам виноват. Не будешь убежать с уроков.

— Убежать! Я всего-навсего три раза сбежал, а вы написали, что всегда бегаю.

— А то, что курил, это разве неправда?

— Конечно, неправда. Я просто фокус показывал.

— Не ври, пожалуйста. Знаем мы твои фокусы!

Прозвенел звонок. Все стали расслаживаться. Проходя мимо Насибы, Тургун прошипел:

— Погоди, колючая ежиха...

В класс вошла Салима Усмановна. Она подождала, пока все усядутся, потом положила журнал и стопку тетрадей на стол, отодвинула стул, но не села.

— У вас что-то стряслось, я вижу.

Она посмотрела на обрывки стенгазеты, которые валялись на полу.

Все молчали.

— Насиба, что случилось? — спросила Салима Усмановна.

Насиба встала и всё рассказала.

— Нехорошо ты поступил, Тургун, — покачала головой Салима Усмановна. — Не думала, что ты такой.

Помолчав, она спросила, что мы собираемся делать.

— Завтра сбор отряда. Вот и обсудим поведение Тургуна.

— Отлично. И я приду. У меня тоже есть что сказать. И не только о Тургуне...

На другой день Насиба не пришла в школу.

После уроков все собрались в красном уголке и столпились вокруг шахматистов. Шёл последний тур на первенство школы. Джамиля побежала к Насибе — проведать подругу и, если возможно, привести её на сбор отряда. А то какой же сбор, если нет самого председателя совета отряда? Тургун возился у верстака, стучал молотком.

— Девчачья игра это — фигурки передвигать,— сказал он небрежно.

Тургуну, конечно, ужасно хотелось сыграть партию-другую, но он знал, что после вчерашнего его никто не примет.

Джамиля влетела в зал как ветер.

— Насиба в больнице! — крикнула она.

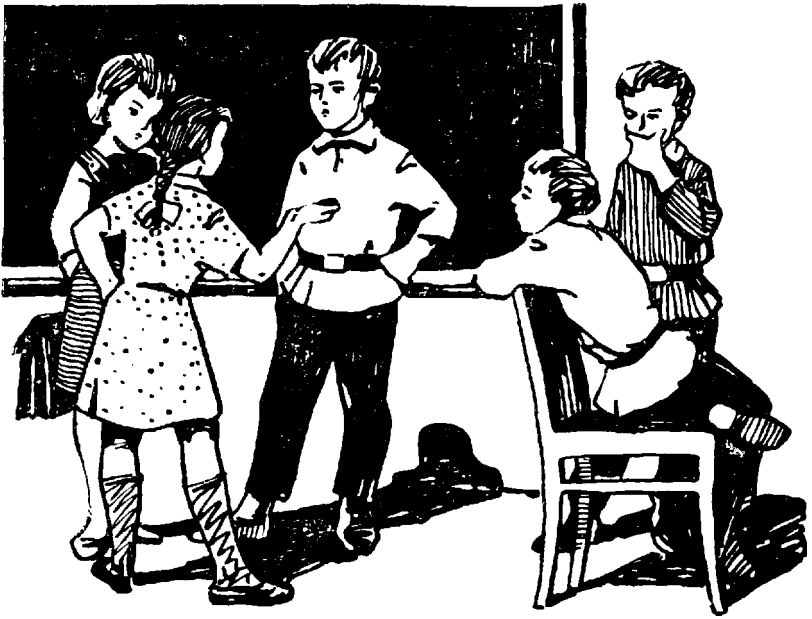
Все повскакали с мест и окружили её.

— Как? Она же была здорова!

— Даже в волейбол играла!

— Погодите, дайте человеку сказать,— замахал рукой Рахмат.

— Вчера Насиба вернулась после уроков, повесила над кроватью портфель и решила немного отдохнуть,— затараторила Джамиля.— Она прилегла и только было задремала, как тут над ней что-то зашуршало. Она проснулась. Из портфеля выползла, извиваясь, змея. Насиба и закричать не успела — змея шлёпнулась рядом. Насиба в ужасе выбежала из комнаты, хотела позвать маму, а из горла — ни звука. Это от испуга у неё отнялся язык. Теперь Насиба лежит в больнице...

— Как же так? — пробормотал Рахмат растерянно. — Как же в портфеле змея очутилась?

Все, поражённые, молчали. И вдруг в тишине что-то с грохотом упало. Мы оглянулись. В углу, у верстака, на коленях стоял Тургун и дрожащими руками пытался поднять молоток. Заметив, что все смотрят на него, он вскочил и выбежал из зала. Молоток остался сиротливо лежать на полу.

Вечером Джамиля и я пришли в больницу. Медсестра дала нам два халата, указала дверь палаты.

— Не заставляйте её говорить, — сказала она, — и не задерживайтесь долго.

Мы прошли по длинному коридору, остановились

у палаты. Джамия с волнением открыла дверь. Насиба увидела нас и поднялась навстречу. Обнявшись с подругой, она протянула мне руку.

— Как себя чувствуешь, Насиба? — спросил я.

Джамия толкнула меня в бок. «Ты очумел, что ли? — говорил её взгляд. — Просили ведь не заставлять говорить!» Меня бросило в жар. Я протянул Насибе книгу, которую принёс ей почитать.

— Это тебе, — сказал я и тут же прикусил язык.

Вот всегда так. Когда нельзя смеяться — страшно хочется смеяться, когда нельзя говорить — обязательно будешь говорить.

Насиба взяла книгу, прочла название. Потом вынула из кармашка полосатого халата карандаш и блокнотик. Нацарапав что-то, вырвала листок и передала его мне с книгой. Я прочёл записку: «Недавно приходил Тургун, он тоже принёс книгу «Пятнадцатилетний капитан». И ещё, я давно уже её прочла».

Я оглянулся на Джамию, которая из-за моего плеча тоже прочла записку. У неё глаза стали большими-пребольшими от удивления. Наверное, и у меня глаза были такие же: ведь то, что мы узнали, так не походило на обычные поступки Тургуна.

Тургуна словно подменили. Он редко стал выходить в школьный двор, а если выходил, то не носился словно угорелый и, как бывало раньше, не дёргал девочек за косички. Он больше сидел в классе, задумчивый и грустный. Если кто-нибудь подбегал к нему и звал играть, он улыбался и отказывался.

— Что-то ты стал примерным учеником, Тургун, — сказала как-то Джамия и, смеясь, толкнула его в бок. — Не сглазить бы!

Тургун поднял на неё глаза и ничего не ответил. Джамия больше не подшучивала над ним.

...Насиба лежала в больнице уже вторую неделю. В школе всё шло по-обычному. Вот и сегодня урок начался как всегда. Салима Усмановна раскрыла журнал и начала перекличку:

— Рахмат Мирзакаримов?

— Я.

— Мурад Одилов?

— Здесь,— ответил я.

— Тургун Камбаров?

— ...

— Тургун!.. Опять нет Камбарова?

Да, Тургуна опять не было на уроке. А ведь за последние две недели он ни разу не опоздал и не сбежал, а вот сегодня...

Дверь с грохотом распахнулась. В класс ворвался Тургун, потный, красный, радостно улыбающийся.

— Насиба... Насиба...— только крикнул он и бесильно прислонился к дверному косяку.— Я сейчас из больницы,— сказал он потом, когда немного отдышался.— Её сейчас уже выписывают. Насиба сказала... сказала, что завтра придёт в школу!

Класс радостно загудел. Салима Усмановна подошла к Тургуну, положила руку ему на плечо.

— Спасибо за радостную весть, Тургун,— сказала она и улыбнулась.— Но нам придётся выяснить, каким всё же образом наш единственный уж перебрался из живого уголка в портфель Насибы.

— Я не думал, что Насиба простого ужа примет за змею,— опустил голову Тургун.

И всё стало ясно. И теперь ничего не надо было выяснять.

ЖЕРЕБЁНОК

Из репродуктора льётся музыка. Машин видимо-невидимо. А людей и того больше. Со всех колхозов съехались.

Сегодня начало праздника. Один день скачки будут на первенство района, и ещё три дня улák — это состязания такие, конно-спортивные, спортсмены друг у друга тушу козла отнимают.

Мы пробираемся сквозь толпу. Спешим. Рахмат волнуется. В руке он держит плётку и бьёт ею по голенищу сапога.

— Ты не волнуйся,— говорю я,— главное, не торопиться. Звёздка дистанцию хорошо берёт, тогда и наверстаешь. А на препятствиях не торопись.

— Ладно,— отвечает Рахмат.

— Звёздка — очень горячий скакун, сам знаешь.— Я волнуюсь не меньше, чем Рахмат, и поэтому мне всё кажется, что я чего-то не досказал, упустил.

— Я знаю,— говорит Рахмат и поправляет кепку, надетую козырьком назад.

Сейчас он похож на настоящего наездника. Независимо и гордо посматривает по сторонам. Я ему завидую, но ничего не поделаешь: для соревнований я ещё не совсем подготовлен.

«Внимание, внимание! — разносится по полю.— Через пять минут будет дан сигнал о начале скачек. В соревнованиях участвуют учащиеся шестнадцати школ района...»

Рахмат жмёт мне руку и убегает. Я забираюсь на нашу машину. Кабул-ата смотрит на меня, задумчиво щиплет бороду и отворачивается. Он тоже волнуется. Из репродуктора опять льётся музыка. Вытянув шею, я смотрю на поле. Кроме Звёздки, пританцовывающей на месте, ничего не вижу. Вдруг радио умолкает, наступает глубокая тишина, и глухо раздаётся выстрел. Это сигнал. Скакуны срываются с места. Я вытягиваю шею насколько могу, но Звёздки не вижу. Сзади глухо дышит Кабул-ата. Он волнуется больше всех.

Теперь кое-кто ушёл вперёд, кое-кто поотстал. Рахмат скачет в середине. Звёздка берёт препятствия легко, упруго кинув вверх подобранное тело, чутко прижав уши.

Рахмат весь сросся с конём, подался вперёд. Иногда он оглядывается, а когда опять приближается препятствие, весь сжимается и чуть отрывается от седла, когда лошадь прыгает.

Звёздка идёт восьмой. Кабул-ата вздыхает:

— Если не наверстает на дистанции, всё пропало.

Пошёл второй круг. Теперь препятствий нет.

— Звёздка, милая, не подкачай, милая,— шепчет сзади Кабул-ата.

— Звёздка, Звёздка...— повторяю и я.— Ну же, Рахмат, давай же!

Кругом все кричат, волнуются. Звёздка идёт теперь шестой. Она скачет плавно, словно стелется над землёй, в ней совсем не чувствуется напряжения. Рахмат быстро оглянулся, припал к шее скакуна. Звёздка будто прыгнула вперёд — две лошади остались позади. Все кругом заревели.

Звёздка летела, стремительная и удлинённая, как ракета. Ещё одна лошадь отстала. Теперь впереди толькое трое. Трое!

— Рахмат! Друг! Жми! — кричу я во всю силу.

— Сынок, давай! — кричит сзади Кабул-ата.

Рахмат оглядывается. Сейчас Звёздка опять должна прыгнуть вперёд. От волнения я закрываю глаза. Слышу топот копыт и шум зрителей. Проходит секунда, минута. Шум на миг стихает, потом будто раскалывается воздух. Над всем этим шумом прорезывается восторженный голос диктора:

«Внимание! Первой пришла к финишу Звёздка! Победитель состязаний — Рахмат Мирзакаримов...»

— Наш жеребёнок победил! Победил! — кричу я, соскакиваю на землю и через всё поле бегу к Звёздке.

Эта победа была потом, а вначале было вот что.

Рахмат лежал на диване. Глаза его были закрыты, а на животе — книга. От его дыхания книга то поднималась, то опускалась.

— Подъём! — крикнул я. — Вставай!..

Рахмат испуганно вскочил на ноги.

— Сумасшедший! — сказал он. — Я не спал. Просто размечтался. Вот, думаю, творить бы такие дела, как барон Мюнхаузен.

— Такие дела будешь творить потом, — ответил я, — а сейчас ответь: пойдём мы или не пойдём?

— Конечно, пойдём.

— Почему же тогда не оделся? Ты ведь сам говорил, что в два часа будешь ждать.

— Ну, это быстро! — Рахмат кинулся к вешалке. — Ты иди, я догоню. Только верёвочку прихвачу.

Я вышел на улицу. Тополя, выстроившиеся вдоль реки, словно солдаты, были белы от снега, будто одетые в больничные халаты. Рахмат выбежал минут через пять, натягивая на ходу шапку.

— Поехали! — крикнул он.

— Верёвку взял?

— А как же. — Рахмат распахнул пальто, показал верёвку. Он намотал её себе на пояс. — Бельевая. Дома она всё равно сейчас не нужна.

— Послушай, Рахмат, — сказал я, когда совсем мало осталось до конюшни, — а как же мы будем приучать его к себе?

— Потом увидишь, — ответил Рахмат. — На этом деле я собаку съел. Ослы упрямее бывают, я и то справлялся. Помнишь, прошлым летом...

Кабул-ата задавал лошадям корм. Мы помогли ему насыпать ячмень в торбы, изредка оглядываясь на жеребёнка, который стоял в самом конце конюшни. На лбу у него белела звёздочка. Рахмат взял торбу и хотел пойти к нему, но Кабул-ата остановил его.

— Дай-ка лучше я сам, — сказал он. — Норовистый уж очень. От одного шороха до облаков подпрыгивает. Вы подальше от него держитесь.

Мы молча кивнули, наблюдая за нервничающим жеребёнком. Он пронзительно ржал, брыкался и вставал на дыбы.

— Огонь, а не жеребёнок! — вздохнул Рахмат. — Знаешь, вчера председатель приказал отправить его в табун.

— Такого-то жеребёнка? Это же будет первоклассный скакун! Ты погляди на его тонкие, длинные ноги, а голова, голова-то вся вперёд стремится. Масть такая!

Мы вышли из конюшни следом за Кабул-ата.

— Удивительный жеребёнок,— сказал я.— Если приучить его к себе да объездить, был бы мировой скакун.

Кабул-ата скомкал бороду в кулак, глянул на нас из-под густых бровей.

— Вчера мне говорили, что вы, сорванцы, ему сахар давали.

— Да нет, что вы...— сказал я.

— «Да нет»! — передразнил меня дед.— Матковул это своими глазами видел.

Я прикусил язык. Потому что мы и правда брали у Матковула-чайхánщика сахар. «Берите побольше,— сказал тогда чайханщик,— я с вашими родителями рассчитаюсь».

А Рахмат ещё взял да ляпнул:

«Мы не домой берём, а для жеребёнка Звёздки».

Кабул-ата молча смотрел на нас.

— Это мы ему просто сказали, что сахар для жеребёнка берём, а съели сами,— пробормотал Рахмат.

Кабул-ата ничего не ответил. Он, наверное, нас только проверить хотел. Потому что Матковул не мог видеть, давали мы сахару жеребёнку или не давали.

— Смотрите, не суйтесь к нему,— сказал дед.

— Да нужен он нам! — воскликнул Рахмат.— Чего с ним связываться-то?

— А вообще, жеребёнок благородной породы,— вздохнул Кабул-ата. Наверное, он вспомнил, что Звёздку скоро погонят в табун.— Ну, да что ж делать! Пойду я,— сказал дед,— оставайтесь, ребятки.

Как только он ушёл, Рахмат отвязал верёвку.

— Чуть не влипли,— усмехнулся он.— Давай начнём, что ли?

На одном конце верёвки он сделал петлю. Другой конец передал мне.

— Ты держи крепко, а я накину петлю.

Рахмат исчез в конюшне. Из темноты доносились неясные шорохи, что-то позванивало и похрустывало.

— Как там дела, Рахмат? — крикнул я.

Ответа не последовало. В конюшне стало тихо-тихо. Потом что-то скрипнуло, затопало.

— Это не жеребёнок, а обжора, — буркнул он недовольно. — Целый карман сахару слопал, пока дал накинуть петлю. Ну, давай обвяжи меня.

— Зачем обвязывать? Лучше к колу привяжем.

— Какой же ты объездчик, если привяжешь коня к колу? Придумает тоже. Давай обвязывай... Вот так. Эй-эй, не очень, дышать ведь нечем!.. Порядок! Теперь хорошо... Иди выводи его. Я подожду здесь, przygotowлюсь.

Я подошёл к стойлу. Жеребёнок протянул мордочку ко мне, будто прося сахару. Я отогнал его и распахнул решётчатую дверь. Он и не подумал выходить. Тогда я боком прошёл в угол и стегнул его прутом по крупу. Жеребёнок заржал и кинулся к выходу. Во дворе остановился, ослеплённый ярким зимним солнцем, сверкающим снегом и свободой. Свободу свою он ещё не почувствовал, но ему, наверное, странно было видеть такой простор после тесного стойла. Он мог скакать в любую сторону, и ничто не смогло бы удержать его.

— Мурад, ну чего смотришь? — крикнул Рахмат, волнуясь. — Дай ему прутиком, чего он стоит-то!

— Ты с ума сошёл. Уволочёт ведь!

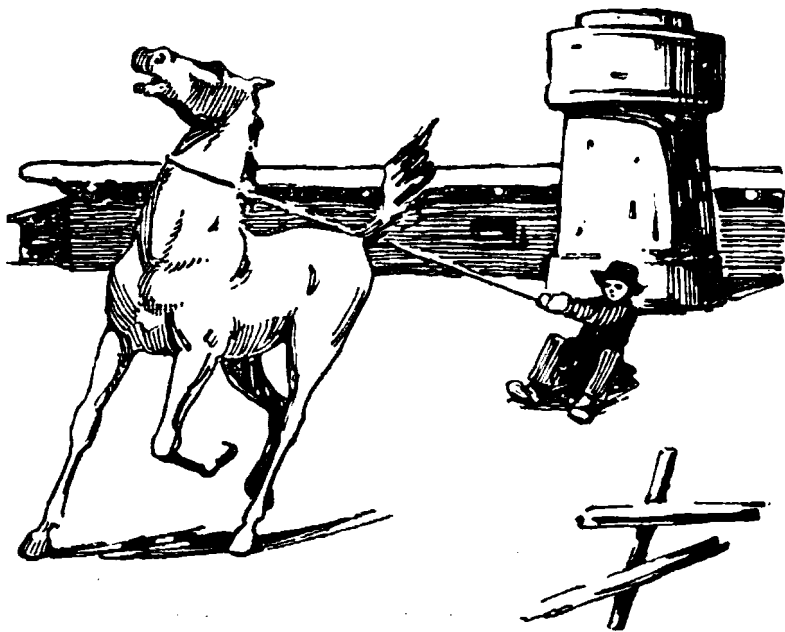
— Ты за меня не беспокойся, понятно? — крикнул Рахмат. — Говорят, стегани — значит, стегани. Побегает, побегает да и остынет. Потом заведём на место.

Стегать Звёздку не пришлось. Жеребёнок радостно заржал, туго натянув верёвку, дал стремительный круг по двору, потом задрал хвост и устремился в по-

ле. Рахмат побежал за ним. Быстро бежал, только пятки сверкали, да разве долго пробежишь за эдаким-то дикарём! Рахмат упал, и жеребёнок весело поволок его за собой.

— Мурад! Эй, Мурад! Да помоги же! — заорал Рахмат.

Его голос словно подхлестнул меня. Я бросился вперёд по глубокому следу, который пробороздил своим телом мой друг. Пóлы пальто путались в ногах, я то и дело падал и зарывался носом в снег. Никогда бы мне не догнать жеребёнка, если бы ему вдруг самому не захотелось остановиться. Наверное, он решил немного отдохнуть, осмотреться. Тут я подбежал и уцепился за верёвку. Он опять понёсся и теперь уже волочил нас обоих. Вначале он скакал здорово, потом стал бежать тише, тише. А потом и вовсе остановил-

ся. Видно, всё же тяжело ему было нас с Рахматом тащить.

Вот если бы у нас были колёса, тогда другое дело — унёс бы куда-нибудь в другой колхоз...

— Послушай, Рахмат, отвяжи верёвку,— сказал я.— Может, он сам вернётся в конюшню.

— А если не вернётся?

Вдруг туго натянутая верёвка ослабла. Низко опустив голову, жеребёнок шёл прямо на нас. От страха сердце моё подпрыгнуло и покатилося куда-то вниз. Я крепче обнял Рахмата.

— Сейчас он покажет нам, как объезжать жеребят,— прошептал Рахмат.

— Не бойся: если съест, то первым съест меня!— ответил я сердито.— Сам придумал всё это, и сам же ноет!

Жеребёнок остановился. Звонко заржал.

— Вставай, побежим,— предложил я.

— Хорошо, только первым вставай ты. У меня что-то ноги... отказываются.

Мы лежали очень долго — может быть, целый год. Рахмат носом в снегу, я на нём. И вдруг жеребёнок задышал мне в затылок тёплым воздухом. Даже щекотно стало. Я тихонько открыл один глаз. Жеребёнок, видно, ничего плохого и не думал, просто с удивлением смотрел на нас.

— Давай, Рахмат, встанем вместе, разом?

— Давай.

Мы медленно поднялись, Жеребёнок помотал головой и отступил на шаг. Рахмат осмелел, достал из кармана кусочки сахара и протянул ему.

— На, Звёздка, полакомься.

Увидев сахар, жеребёнок подался вперёд и, вытянув шею, слизнул белые подушечки.

Рахмат опять полез в карман. Протянул руку и попятился. Жеребёнок послушно пошёл за ним. Вид-

но, очень уж понравился ему сахар, даже не понял нашей хитрости. Зашли в конюшню. Он не задумался и перед решёткой. Я захлопнул дверь. Словно гора с плеч свалилась.

— Подожди, верёвку-то мы не сняли,— спохватился уже на улице Рахмат и побежал обратно...

— Не получается,— сказал он упавшим голосом, появляясь в дверях.— Снова, будь он проклят, и близко не подпускает. Лягается.

Рахмат помолчал.

— Попробуй ты, Мурад,— сказал он робко.

И тут же его глаза-пиалки стали ещё больше: недалеко от конюшни появился Кабул-ата.

— Всё! Попались! Теперь прогонит и близко к лошадям не подпустит! — Рахмат решительно забросил верёвку в сарай. Закрыл дверь и уселся на пороге.

— Садись тоже,— сказал он тихо.— Семь бед — один ответ.

— Ие, Рахмат, что это ты весь в снегу? — спросил Кабул-ата.

— Это... это мы в снежки играли...

— Г-мм... в снежки... Ну-ка, дай мне пройти...

Рахмат отошёл в сторону. Дед вошёл в конюшню и сразу увидел верёвку. Он потянул её — жеребёнок заржал.

— Это ещё что такое?

— Мы хотели... хотели, чтобы он свежим воздухом подышал,— ответил я.

Дед метнул на меня сердитый взгляд, подошёл к Звёздке. Снял верёвку и кинул в дверь.

— Убирайтесь отсюда.

Мы, как говорит Рахмат, «дали ходу». Только у дома остановились.

— Нехорошо вышло,— вздохнул Рахмат.— Пойдём извинимся, может, не будет сердиться.

— По-моему, лучше завтра пойти. Тогда у него злости будет поменьше.

— Пожалуй, правильно,— сказал Рахмат. Подумал и добавил: — Только вот не до конца довели дело. А жеребёнок уже привык было к нам...

— Если дед не будет сердиться, может, и доведём дело до конца. А вообще, мой папа говорит, что начатое дело всегда надо доводить до конца.

— Мой тоже...

На другой день мы опять пришли. И Кабул-ата встретил нас, как будто ничего и не случилось. Уходя на обед, он погрозил пальцем:

— Без меня не выводите. Вот вернусь, вместе выведем его «подышать свежим воздухом».

Мы дождались деда. И Звёздку вывели гулять. Жеребёнок теперь не убегал. А скоро совсем привык к нам.

— Его пока нельзя объезжать,— сказал однажды дед Кабул.— У него ещё кости не окрепли. Ну, а председатель... Председатель согласился оставить жеребёнка здесь, под вашу ответственность. Теперь смотрите у меня...

И вот настал тот день, о котором я рассказал в самом начале...

СЕЛИ В ГАЛОШУ

— Эй, Мурад, ты дома?

Я уже битый час сидел над задачкой, и она никак не получалась. Чем больше я ломал голову, тем больше запутывался.

Услышав голос Рахмата, я облегчённо подумал: «Пойду погуляю немного».

Я подошёл к окну и выглянул на улицу. Рахмат стоял, засунув руки в карманы, и рот его разъехался в улыбке.

Увидев, что я дома, он перемахнул через клумбу и взобрался на подоконник.

— Ну как вчерашнее дело? — спросил он.

— Как договорились, так и будет.

— Дай руку! Вот так. Ой-ой, не жми слишком, у меня на пальце болячка.— Рахмат выдернул руку.— Знаешь, что я придумал? Закачаешься! Как это мы вчера не догадались? На базар надо идти. На

базар, понимаешь? Все старые люди вечно ходят на рынок, так они любят это дело.

— Ве-ерно! И что мы об этом раньше не подумали?

— То-то,— произнёс Рахмат, очень довольный, и начал рыться в карманах.— Вот тебе ключи. Возьми их. Мама говорила, что сегодня рано вернётся. Отдашь ей. Я слетаю на базар. А ты жди меня, никуда не уходи, ладно?

— Ладно.

Рахмат соскочил с подоконника и вылетел на улицу. Я вернулся к столу. Проклятая задачка опять не выходит. Потому что в голове вертится и базар, и задачка, и то, что мы решили посадить Максуду в галошу. «Решу эту задачку вечером»,— подумал я и захлопнул задачник.

Подвинув стул к окну, стал смотреть на улицу.

Солнце жжёт вовсю. И ни ветерочка. Тополя бесильно повесили привядшие листья. От жары спрятались даже воробьи. Только какая-то девочка сидит у арыка, болтает ногой и брызгает сама на себя.

Мимо, отворотив нос, прошла Максуда. Я ей погрозил кулаком:

— Мы с тобой поговорим ещё!

Скоро перестанет нос воротить эта вредная девочка!.. Когда впервые появилась здесь, была тише воды, ниже травы.

Но Рахмат сразу раскусил её. «Вот пообвыкнет она немного,— сказал он тогда,— и ещё выкинет номер». И угадал. Да первым сам же попался.

А было это так: Максуда стояла у дверей. Рахмат, волоча сумку на ремне, протопал в класс.

— погоди,— остановила она.— Сегодня я дежурная. Покажи руки.

У Рахмата глаза на лоб полезли.

— При чём тут мои руки? Займись своим делом, вытирай доску.

— В школе, где я училась, без проверки никого не пускали в класс.

— Да, но здесь этого не делают,— бросил сердито Рахмат.— Можешь вернуться в эту свою школу. Никто тебя здесь не держит. Отстань и дай пройти, а то знаешь...

Максуда и не подумала отстать. Она глядела ему прямо в глаза, выжидающе выгнув брови.

— Нет, в класс не попадёшь, пока руки не покажешь.

Рахмат поднял сумку, чтобы треснуть эту упрямую девчонку по голове, но раздумал. Потому что Максуда вплотную подошла к нему и сказала:

— Ударь, ну-ка, попробуй ударь, я тебе все глаза выцарапаю. Лучше бы когти остриг, чем в драку лезть! Гляди — вырастил, как ложки...

Если бы в конце коридора не показалась учительница, Рахмат бы не удержался.

Он выхватил из рук Максуды ножницы и ушёл.

Начали рассаживаться. Проходя мимо доски, я незаметно стянул тряпку и засунул её в карман. Рахмат вернулся после переклички. Я показал ему оттопырившийся карман.

— Посмотри, что сейчас будет,— прошептал я.— «Де-жур-ная»!

— Молодец, Мурад!

Учительница подошла к доске и, не найдя тряпку на обычном месте, стала искать на полу.

Красная от стыда, поднялась Максуда.

— Я же недавно мочила тряпку...

— В той твоей хвалёной школе, видно, пишут пальцами и руками вытирают! — крикнул Рахмат с места и тут же притих: учительница укоризненно взглянула на него.

Максуда принесла другую тряпку. Мы торжествовали. Ведь здорово проучили эту «де-жур-ную»!

А что было на переменке! Она чуть не плакала, так мы доводили её. Сами, правда, тоже взмокли, словно в бане сидели целый час. И тут неважно получилось. Я вытащил платок и вытер лицо. И эта Максудка вдруг подскочила ко мне:

— Как бы ни было, но в нашей школе никто не носил в кармане вместо платка тряпку, которой доску вытирают.

Страшный хохот поднялся.

А мы-то думали, что посадили эту девчонку в га-лошу.

— Осёл! — сказал мне Рахмат и выбежал из класса.

— Ты сам осёл! — крикнул я вслед, хотя знал, что неважно у меня вышло.

Но кто мог запомнить, что вместе с платком и тряпка лежит в кармане!

Рахмата я догнал у дома.

— Подожди же! Ну, виноват я, забыл! Что ж теперь делать?

Рахмат остановился.

— Стенную газету видел?

— Нет.—У меня ёкнуло сердце и покатилося вниз, а потом подскочило, словно мячик, который ударился об пол.— А что?

— Да изобразили нас...

— Это её рук дело! — вскрикнул я.— Этой... этой выскочки. Я ей покажу ещё...

— А что ты сделаешь?

— Сам знаю,— сказал я.— Побью, да так побью...

— Не побьёшь,— уверенно проговорил Рахмат.— Я тоже вначале так думал. И не смог. Она так глянула в глаза, что ноги ослабели.

Я промолчал. Потому что знал: Рахмат прав.

— А что там написано? — спросил я потом.—
И карикатура есть?

— А как же! — Рахмат снял сумку и повесил на другое плечо.— Мы с тобой лежим на парте. Ниже — объявление: «У кого есть дед или бабушка, пусть они придут помогать Рахмату и Мураду. Бедняжки очень нуждаются в помощи престарелых людей».

Помолчав, Рахмат добавил:

— Если бы ты тогда согласился, этого могло не быть.

Я вздохнул. Правильно, не надо было отговаривать Рахмата.

— Как приехала — всех переполошила, — продолжал Рахмат обиженно.— Захожу вчера к Сали, в мячик поиграть. А он: «Не могу, говорит, надо задание Максуды выполнять».

— Это Сали-то, курносый Сали?

— Ну да.

— Большая бы беда случилась, если б этот «мужчина» не стал тимуровцем.

— Я тоже говорю! — засмеялся Рахмат.— Максуда всех прибрала к рукам. Знаешь, как она недавно хвасталась? «Я, говорит, когда в своей школе училась, девяностошестилетнюю тётушку Рузван грамоте обучила». Ты веришь в такую басню?

— Она просто хвасталась, чтобы командиром тимуровской команды стать. И стала ведь. И никто не хотел слушать меня, хотя я говорил, что Тимур не был девчонкой. А ты, Рахмат, зря тогда сказал, что у нас нет времени на всякие пустяки, и если нужно, так пусть пенсионеры сами нам помогают. Вот они и обрадовались! Не знали, наверное, что написать в своей газете.

— Я это сказал потому, что тебя никто не слушал. И потом, мы бы всё равно не пошли в эту команду, где командиром — девчонка.

— Да они и не просили. Хотели сказать, что мы всё равно ничего не умеем. Нам вообще-то надо было показать, на что мы способны.

— Правильно. Давай сами команду составим,— сказал я.— Командиром могу быть я.

— Ты? — Рахмат остановился, снял сумку и повесил на другое плечо.— Нет, ты не подойдёшь. У тебя нет на это способностей. Командир всё должен знать, а ты ничего не знаешь.

— Врёшь!

— Не ори. Чего орёшь? Скажи лучше, хоть одну пуговицу пришивал своими руками или, скажем, сумеешь нарезать моркови для плова?

— А ты, ты сам?

— Что я сам, что я!..— Рахмат хотел снять с плеча сумку, но она шлёпнулась на землю, в пыль. Он нагнулся и почему-то очень долго поднимал её. И, выпрямляясь, проговорил: — Верно, мы оба ничего не умеем делать. Как говорит мой папа, мы — ветки одного и того же дерева. Поэтому давай сделаем так: один день ты будешь командиром, один день я, без обиды.

— Вот теперь дело говоришь! — обрадовался я.— Вот что я придумал: надо найти подходящую старую женщину. Что вообще старухи могут делать, а что не могут? Приготовить себе обед, пришить пуговицу они, конечно, могут. А колоть дрова, выковырять пенёк они могут?

— Куда там! Ты здорово придумал, Мурад, для них это мы будем делать! — Рахмат высоко подкинул сумку и поймал её на лету.— Дай пять.

Мы крепко пожали друг другу руки и начали размышлять: где бы найти подходящего старого человека? Такого в нашей и в соседней махалле¹ не было.

¹ Махалля — квартал города.

А какие есть, ого-о, те ещё тебя самого научат, как дрова колоть.

Всё же мы отыскивали двух старух, но у них внушек, правнучек да невесток — человек десять. Вы думаете, они дают своим бабкам делать что-нибудь по хозяйству?! Как бы не так!

Нам и тут не повезло.

По улице прогромыхал груженный углём самосвал и остановился у зелёной калитки. Из кабины вышли шофёр в надвинутой на самые брови кепке и мама Рахмата. Она толкнулась в калитку и потом кликнула сына. Я взял ключи, оставленные Рахматом, и вышел на улицу. Самосвал уже высыпал уголь, а мать Рахмата всё стучала кулаком в дверь. Я отдал ей ключи, и в это время у поворота показался Рахмат. Мама посмотрела на него и ушла в дом. Рахмат подошёл ко мне. Он тяжело дышал — видно, ему пришлось бежать всю дорогу.

— Мама когда вернулась? Сейчас? Отлично.— Рахмат взглянул в приоткрытую калитку.— Мурад, я разыскал одну старуху. Пойду отпрошусь у мамы, потом побежим к ней. Скажу: «В школу надо». А ты подожди.

Не успел он войти, как во дворе послышался голос его мамы:

— Я очень устала, сынок. Целый день на ногах. Помог бы хоть уголь перетаскать...

— Бу-бу-бу-бу...— что-то ответил Рахмат.

Он, наверное, отказывался, говорил, что в школу обязательно надо.

— Иди, иди, ради бога! Когда наконец ты будешь полезным дома?

— Пошли! — тут же выбежал Рахмат.

— А это? — Я с сомнением посмотрел на Рахмата и на чёрную кучу угля.

— Э, странный ты человек, Мурад! Убежит, что ли, этот уголь? Вернусь — тогда и помогу.

Рахмат остановился недалеко от базара.

— Подождём здесь, — сказал он, присаживаясь на полуобвалившуюся супу. — Эта старуха — то, что нам надо. Такую трудно нынче найти. Два часа носился по базару, осматривая каждую женщину. И хотя бы одна из них была с клюкой! Два часа потерял и ни с чем ушёл с базара. Только подошёл к остановке, а из троллейбуса выходит старушка. Спина согнута, обеими руками опирается на свой посох, стёкла очков толстые-претолстые. И сама еле ноги волочит. Ну почему, думаю, пришёл я без Мурада? Сейчас всё было бы отлично. Всё же подбежал к ней и помог перейти через дорогу. Старуха поблагодарила и пошла на базар. А я побежал за тобой.

Я думал, Рахмат привирает. Но оказалось, всё правда. Она даже была старше, чем описал Рахмат, и на глазах её были не одни очки, а сразу двое. Она остановилась перевести дух и, увидев Рахмата, приветливо улыбнулась. Рахмат подскочил к ней, взял под руку и подвёл к супе.

— Садитесь, бабушка, отдохните немного.

— Спасибо, сынок, и верно — не мешает посидеть немного. Да и куда торопиться! — Старуха села, всё ещё обеими руками опираясь на палку. — А кто этот мальчик, твой друг? Да продлится ваша жизнь, дети мои. А твой товарищ похож на тебя. Вы кого-нибудь ждёте?

— Да, мы вас ждали, бабушка.

— Меня? А чего меня ждать-то, дети мои?

Рахмат подмигнул мне, чтобы я объяснил.

— Вам не надо дров наколоть? — выпалил я, не зная, что говорить.

— Мы можем и крышу обмазать, если она протекает у вас.

— Нам нужна одинокая старушка, и чтобы она нуждалась в помощи.

— Ни дров у меня, голубчики, ни глиняной крыши нет.— Старуха поочерёдно посмотрела на нас и улыбнулась.— Государство дало мне такой дом, внутри которого всё есть. Не нужно стало ни дров, ни воды таскать, ни крышу мазать. Хорошие очень, оказывается, бывают квартиры такие. А про соседей и не говори — все такие милые, сердечные люди. Они говорят мне: «Вы не подумайте, что вы одиноки. Все женщины, которые здесь живут,— это ваши дочери, и мужчины — сыновья». А я смеюсь от радости: ведь не всякая счастливая мать имеет столько детей.

Старуха, оказывается, любила поговорить, и мне показалось, конца её разговору не будет. Я взглянул на Рахмата: он слушал её с раскрытым ртом. А мне скучно стало. Тоже мне, нашёл старуху. Узнай, спроси и, если человек нуждается в помощи, тогда уж поднимай шум! Чего же зря трезвонить!

Я толкнул его в бок.

— Бабуся,— сказал Рахмат, когда старушка умолкла, чтобы перевести дух,— мы ищем старушку...

— Э, сынок, мало ли на свете старух?

— Да я говорю не про обыкновенных старух. Нам нужна одинокая старушка, и чтобы она нуждалась в помощи.

— Ой, не говори таких неприятных вещей, сынок,— такие старухи встречались, когда я ещё девочкой была.

— Нет, бабушка, вы не поняли. Мы тимуровцы, и нам поэтому нужна именно одинокая старушка.

— Ах, голубчики, что ж вы этого раньше не ска-зали? — Старуха похлопала меня по плечу.— От покойной матери — мир её праху — остался у меня мед-ный кувшин. Как-то уронила я его и с тех пор проте-кает. Поведу я вас домой, отремонтируете.

— Бабушка, мы не темирчи, а тимурчи¹, тимуровцы. Тимуровцы — это... Мурад, объясни-ка...

Я битый час пытался втолковать старушке, кто такие тимуровцы и что они должны делать. Старуха будто бы поняла.

— Да, да, я знаю, что это такое. Вы такие же, как дочь нашего соседа... Она тоже... это самое, как там?

— Тимурчи,— буркнул Рахмат недовольно.

— Да, да, темирчи,— повторила старуха, опять называя тимуровца жестянщиком.— Каждый день после школы прибежала она ко мне, голубка моя. Целых три года не давала дотронуться до холодной воды. А однажды прибежала и говорит, будет учить меня книжки читать. Я отказываюсь. «Да что ты, доченька, говорю, позора не оберёшься на старости лет-то!» Но нет, добилась своего, упрямица. Научилась я книжки читать всякие, только тогда она успокоилась. Переехала теперь на другую улицу и всё равно не забывает, часто прибегает, и всякий раз...

— Пошли,— толкнул меня Рахмат.— Всё ясно. Похоже, эта старуха — тётушка Рузван. Бежим, пока она не запомнила нас. Передаст ещё Максуде...

Мы кое-как довели старуху до троллейбуса и кинулись прочь.

— Зря день прошёл,— сказал я с сожалением.— Лучше бы уголь перетаскали.

— Верно,— оживился Рахмат.— Мама здорово обрадуется. Бежим?

— Побежали.

Горы угля у калитки не было. Мы посмотрели друг на друга и вошли во двор.

Под краном мылись Максуда и курносый Сали, чёрные от угольной пыли...

¹ Игра слов: темирчи — жестянщик, тимурчи — тимуровец.

БЕРКУТ

Я нехотя дожевал кусок лепёшки и отложил в сторону ложку. Снял с гвоздя новенькую соломенную шляпу. Её купила мама, ещё когда решили, что я поеду в кишлак.

— Мураджан! — крикнула из кухни бабушка.

Я остановился.

— Ты куда собрался, внучек?

— Пойду к деду, на бахчу.

— В такую жару! Посидел бы дома. Ты городской, к жаре-то непривычный. Солнце, оно непривычных не любит. Вечером по холодку и пошёл бы, если уж такая охота. И, кстати, ужин бы отнёс.

Я недовольно снял шляпу, сел и положил её рядом.

Я очень люблю бабушку и всегда слушаюсь. Но я страшно не люблю, когда меня всё ещё считают маленьким ребёнком. И особенно не нравится мне, когда пытаются пугать всякой чепухой. А бабушка ре-

шила даже солнцем припугнуть! Конечно, бабушке трудно понять, что я теперь не прежний Мурад, которого привозили в кишлак мама с папой. Я уже в четвёртый класс перешёл. И вот что сказал папа, когда мама не хотела отпускать меня одного:

«Мурад уже большой парень, джигит настоящий. Так что пусть едет, а мы приедем через неделю. Чего ему в городе каникулы убивать?»

Не знаю, как можно убивать каникулы, но папа меня здорово обрадовал. Правда, немножко грустно было расставаться с Рахматом, но ведь он тоже скоро уедет в пионерский лагерь.

Папа на такси привёз нас на вокзал, я попрощался и уехал один. Целый час ехал. Только у станции, когда мне выходить надо было, какая-то старушка стала тормозить: «Да торопись, сынок, да тебе выходить, да смотри, да осторожней!» Совсем замучила. Это ей мама наказала, чтобы она помогла мне сойти. Будто я сам не смог бы! И вообще, все старушки такие. А вот старики — нет. Поэтому и хотел я улизнуть к деду. С ним веселее. Он всё время всякие истории рассказывает. А бабушка весь день занята, бегаёт по хозяйству, и к вечеру она очень устаёт. И поэтому не может рассказывать всякие истории, хотя она тоже много их знает...

Бабушка принесла и поставила передо мной полную чашку. Я хотел сказать, что наелся, что уже три часа обедаю, но промолчал. Потому что вспомнил, как мама наказывала слушаться и не обижать бабушку.

— Выпей, внучек, айрану — жару хорошо будешь переносить, — сказала бабушка. — Это кислое молоко, разведённое ледяной водой.

«Много ли, интересно, народу умерло от этой несчастной жары?» — подумал я про себя, взял чашку и нехотя пригубил. Айран оказался очень вкусным.

И я выпил его с удовольствием. «Моя бабушка знает, чем угощать»,— подумал я с гордостью.

— Скучно тебе, внучек, у нас-то?

— Да нет, уже нет...

— Может, позвать Джураку́ла? Вы б поиграли...

— А кто это Джуракул?

— Да соседский мальчишка...— Бабушка подумала немного.— Озорства, конечно, ему не занимать, но, в общем-то, он неплохой мальчик.

Она подошла к дувалу и, приложив ладони рупором ко рту, стала кричать:

— Джура-а-ку-ул, эй, Джуракул!

— Чего там? — раздался тонкий, пронзительный голосочек. Трудно было разобрать, кто это кричит, мальчик или девочка.

— Иди к нам, сынок, тут мой внучек приехал, Мурад. Поиграете вместе.

В соседнем дворе не ответили, но через секунду над дувалом что-то сверкнуло, как зеркало на солнце. Оказывается, это наголо бритая голова Джуракула. Мне показалось, где-то я его видел, этого мальчика. У него были огромные глаза. Вначале они глянули насторожённо, а потом нагло уставились на меня. Особенно долго изучали они мою новую шляпу. Потом закрылись (остались только узенькие щёлочки).

— Чему ты смеёшься? — крикнул я сердито.

— А ты не помнишь, что натворил на станции?

— Не... не помню...

— Так и не помнишь? А кому сторож уши драл?

— Откуда я знаю?..— сказал я чуть слышно и оглянулся.

На моё счастье, бабушка, оказывается, вернулась на кухню. Я с облегчением вздохнул.

— Так заходить к тебе или нет? — провизжал Джуракул.

— Давай прыгай,— поспешно ответил я.

Если у этого Джуракула привычка говорить таким голосом, то бабушка услышит всё, даже сидя в Ташкенте.

— Через дувал нельзя,— сказал Джуракул и тут же совсем тихо, почти шёпотом, добавил: — Мне твоя бабка за это тоже чуть правое ухо не оторвала.

Сверкнув зубами и бритой головой, Джуракул исчез за забором. Теперь я не сомневался, что он и есть тот мальчик, который спас мои уши. Конечно, я бы его сразу узнал, если бы не этот глупый смех. Когда-то Рахмат тоже смеялся таким смехом. Вот когда и Джуракул отучится, тогда он будет отличный парень. Ведь не будь его, чего доброго, мои уши остались бы в руках сердитого старика сторожа...

А дело было так. Когда поезд подходил к станции, я думал, что на перроне будет множество народу и все с уважением будут глядеть на меня. Я только жалел, что при этом меня не увидят знакомые ребята и Рахмат.

Я сошёл с поезда и огляделся. Кругом не было ни души, если не считать тощей рыжей собаки, которая лениво, будто от нечего делать, обнюхивала переполненную мусором урну.

Стояла страшная жарница, земля и небо словно горели в печке. Я прогнал собаку и потом подошёл к водопроводной колонке. Разделся по пояс, влез под кран. Вода оказалась тёпленькой, но всё же немного освежила.

Я одевался, когда появился сторож. Он на ходу засовывал разноцветные свёрнутые флажки в брезентовый чехольчик. Старик глянул поверх, будто меня вовсе и не было, лениво зевнул и зашёл в свою будку. Оттуда он вынес клетку, прикрытую куском марли. Повесив её на крючок у двери, сторож вернулся в будку. Внутри клетки ходила какая-то птица и

клевала марлю. Мне страшно захотелось увидеть эту птицу. Я поднялся на цыпочки, вытянул шею, но мешала марля. А мне очень хотелось увидеть...

Я на всякий случай заглянул в открытую дверь. Сторож валялся на лежанке, сколоченной из досок, и дремал. Тогда я подошёл к сложенным в штабель ящикам, схватил два из них, приволок к клетке. Положил один ящик на другой. Залез на них. Только хотел было откинуть марлю, но ящики закачались, выскользнули из-под ног. Я замахал руками, схватился за клетку. Из неё что-то выскочило, тяжело захлопало крыльями, обдало воздухом, как большой вентилятор,— я свалился. Ясное дело, тут вышел старик и — за уши!

Правда, он держал за ухо не очень больно, но было жутковато. И вот тут-то появился мой спаситель, Джуракул, верхом на ослике зеленовато-фиолетового цвета.

— Хай, Дадавóй-акá, за что вы угощаете сего молодого человека столь невкусным угощением? — воскликнул он, весело обращаясь к сторожу. Вместо глаз у него были узенькие щёлочки.

— Этот человек,— сторож на минутку отпустил моё ухо и ткнул в меня пальцем,— этот человек заслужил такое угощение за то, что суёт свой нос туда, куда его вовсе не следует совать. Было бы очень хорошо, сын мой, если ты тоже не делал бы этого...

Я потрогал своё горящее ухо и кинулся наутёк.

Только пробежав половину пути от станции к кишлаку, я пошёл тише. «Ничего,— подумал я про себя,— если я попрошу деда, он сколько хочешь и каких хочешь птиц наловит этому старику сторожу». Подумал так и немного успокоился. А когда увидел бабушку, то совсем забыл об этом случае. Теперь вот Джуракул напомнил. И у меня опять на душе кошки заскребли: а вдруг я выпустил из клетки знатную

перепёлку? Ведь тогда никакой другой перепёлкой её не заменишь!

— Пойдём на осле покатаемся,— предложил Джуракул. И тут же добавил: — Да ты не беспокойся. Он, наверное, давно прилетел обратно.

— Кто он?

— Как кто? Беркут!

— Разве в клетке был беркут?

— Конечно. Вообще, это не беркут, а настоящий самолёт. Во всём кишлаке такого нет.

— Скажи, Джуракул, а ты видел? Он прилетел обратно?

— Не видел, но куда же он денется? — удивился Джуракул. — Он же приручённый. Обязательно вернётся к своей клетке. Не веришь — пойдём посмотрим.

— Бабушка не пустит.

— Почему?

— Опасно, говорит, по солнцу ходить.

— Подожди,— бросил Джуракул и исчез в кухне. Немного погодя он выскочил обратно.

— Айда! — сказал он весело. — Разрешила.

Я схватился за шляпу.

— Только на холодке играйте, хорошо, Джуракул? — крикнула бабушка вслед.

— Понятное дело,— ответил, не оглядываясь, Джуракул. — Дураки мы, что ли, на солнце играть.

Мы вышли на улицу. Солнце спряталось за тополя. Бледные листья безжизненно свисали с веток. У реки лениво бродило несколько коров. Через мост проскочила машина, немного проехала и свернула налево.

— Новая,— сказал Джуракул. — Недавно наш колхоз получил. Если бы она пошла сюда, мы бы разочек прокатнулись. Ну ладно. Ты подожди здесь, сейчас я приведу нашу машину.

Через секунду он вывел «машину» — своего зелено-фиолетового осла.

— Подержи-ка,— сказал он и кинул мне поводья. Потом присел, важно подвернул штанины до колен.— Теперь можно ехать.

Он отошёл в сторону, разбежался и, подпрыгнув, ловко взлетел на спину осла. Потом кое-как взобрался я и чуть не свалился, потому что осёл сразу рысцой припустил к речке.

— Видишь, вторая скорость! — восторженно заорал Джуракул.— Не осёл, а вертолёт. И притом не простой, а учёный. Как только подойдёт к дому Дадавой-ака — стоп, на месте тормозит ножными тормозами. Потому что там его часто кормят.

— Дадавой-ака — это...

— Да, да, тот самый, что уши тебе хотел оторвать. У него и дочка есть. Такая злючка, знаешь, будто её всё время комары кусают.

Он засмеялся и затянул не своим голосом песенку:

Я бродил среди скал,
Я в снегах замерзал,
Но всегда в трудный час
Ты, как друг, помогал.
Огонёк, огонёк!

Джуракул пел и болтал ногами, точь-в-точь Ходжа Насреддин в кино. Потом он перестал петь и начал хохотать.

— Ты чего это? — дёрнул я его за рукав.

— Не бойся, не над тобой. Утром, когда ездил на станцию, смотрю, сидит на берегу эта Джамия, дочка Дадавой-ака, и бельё полощет. Соскочил я с осла, подкрался да ка-ак гаркну! Она — шлёп в реку! Это она с испугу.

Джуракул схватился за живот и затрясся. Осёл, как по команде, пошёл быстрее.

Потом Джуракул рассказал о том, как выменял на двух голубей своего осла. Посмеялся, что мальчишка этот, хозяин осла, каждый день бегает к нему, просит вернуть.

— Но я сказал, что уговор дороже денег.

И Джуракул опять схватился за живот.

Ещё он рассказал, что умеет нырять в реку с самого высокого дерева, что может даже в темноте спелый арбуз отыскать.

— Если хочешь, и тебя могу научить,— сказал он и опять захохотал.

Тут наша «машина» резко притормозила.

— Я же говорил тебе, что это учёный осёл,— сказал Джуракул и заорал: — Джамия! Эй, Джамия!

— Чего тебе? — донёсся из-за дувала сердитый голосок.

— Волоки корм. Моему ослу кукурузных початков захотелось.

— Что я тебе, прислуга, что ли? Вот выпущу Алапáра, он тебе и твоему ослу ноги перегрызёт.

— Видишь? — повернулся Джуракул ко мне.— Страшно вредная девчонка. Рассердится — и волкодава может напустить!

Джуракул немного подумал и спрыгнул наземь.

— Ты погоди,— сказал он, карабкаясь на большой тал.

Я с удивлением наблюдал за ним, не понимая, в чём дело. Понял лишь тогда, когда он развязал верёвку, протянутую во дворе от тала.

— Поехали! — завопил Джуракул и свистнул.

Бельё, развешанное на верёвке, взмахнуло крыльями и исчезло за дувалом. Со двора донёсся тоненький плач девочки.

— Ты зачем это сделал? Человек ведь трудился, стирал, а ты...

Я сполз с осла и подошёл к Джуракулу.

— Ты... ты нехорошо поступил.

— Подумаешь! — отмахнулся он. — Небось не похудела бы, если бы вынесла немножко корма.

— Это её дело. Захочет — вынесет, не захочет — нет.

— Так ты, значит, против меня, да? А я, дурак, из-за тебя старался.

— Из-за меня?

— Ну да! Кто выпустил беркута? Ты. Кто сидел у бабушки и страдал? Ты. Кто пожалел, решил успокоить тебя? Я! — Он хлопнул ладонью себя по лбу. — Я, Джуракул!

Мне не удалось ответить: скрипнула калитка и на улицу высунулась Джамиля.

— Беркут домой прилетел, — сказала она, — вон, в клетке сидит.

Джуракул сразу расплылся в довольной ухмылке.

— Я же знал! — воскликнул он. — Пойдём, Мурад, посмотрим? Джамиля, Алапар-то твой на привязи?

— Заходи, не бойся, — сказала Джамиля и пропустила его.

Я шагнул за ним, но калитка с треском захлопнулась перед самым моим носом. Я в растерянности остановился: «Чудеса! Обидел эту Джамилю Джуракул, а она наказывает меня!»

— А-а, попался теперь?! — донёсся со двора ликующий возглас.

Мне было очень интересно знать, что там происходит. Я нагнулся к щели.

Джуракул стоял недалеко от калитки. У ног его лежала огромная безухая собака. Пошевелинётся Джуракул — она тут же рычит страшным голосом.

— Не вздумай бежать — без ног останешься, — пригрозила Джамиля.

— Брось шутить. Убери эту штуку, я уйду.

— Я не собираюсь шутить. Держи! — Джамия протянула ему мешок. — Собирай бельё и клади в мешок.

— Ха-ха, придумала! — невесело засмеялся Джуракул. — Если нужно, собирай сама.

— Не будешь? Алапар!

Собака посмотрела сперва на хозяйку, потом на Джуракула, приподнялась и угрожающе зарычала.

— Не будешь собирать?

Джуракул сердито вырвал мешок, шагнул в сторону. Собака проводила его взглядом, но осталась лежать на месте.

Джуракул собрал бельё и положил мешок перед Джамилёй.

— Бери своё бельё, хозяйка несчастная, — сказал он и направился к двери.

— Ты куда? — спросила Джамия.

— Не твоё дело. Сказала, собери — я собрал, а теперь вольному воля.

— Рано ещё. — Джамия сунула ему в руки кусок мыла. — Пойдёшь на речку и всё выстираешь заново.

— Ты с ума сошла! — завопил Джуракул. — Хочешь, чтобы я тебя побил?

— Попробуй только — Алапар на кусочки разорвёт.

Услышав своё имя, собака опять прорычала. Джуракул в сердцах выхватил мыло.

— Пойдём, что ли? — крикнул он.

— Ты сам пойдёшь. Я сегодня уже стирала, теперь ты попробуй. Повозишься часок, может, узнаешь, лёгкое ли это дело!

Лицо Джуракула просветлело. Он, наверное, подумал, что если Джамия не пойдёт, то не пойдёт и собака. А если собака не пойдёт, тогда можно будет

зашвырнуть мешок в кусты и пойти своей дорогой. Но собака будто прочла его мысли. Она первая выбралась на улицу.

— А эта штука пусть остаётся, ни к чему она там,— с безразличным видом предложил Джуракул.

— Нет уж, эта «штука» пойдёт с тобой,— ответила с усмешкой Джамиля.— Алапар, иди с ним, слышишь? Не отпускай его, Алапар!

Собака куснула мешок и нетерпеливо потянула его в сторону реки. Джуракул ошалело посмотрел на собаку и поспешно поднял мешок.

Удивительная была эта собака! Чисто пограничная. Такая поймает шпиона и ни за что не отпустит, до того учёная. И вообще, я погляжу, всё тут учёное встречается: и беркут учёный, и осёл, и собака учёная!

— Ладно, пойти я пойду,— сказал Джуракул.— Но потом я обязательно побью тебя. Пусть не называют меня Джуракулом, если не побью,— пригрозил он и повернулся ко мне.— Пошли, Мурад.

— Мурад тоже не пойдёт.

— Какое тебе дело до Мурада? — взорвался окончательно Джуракул.— Он-то ни в чём не виноват!

— Я знаю, что не виноват. Просто я хочу попросить его привязать верёвку на место. И ещё я попрошу его отвести вот это серо-буро-малиновое животное хозяину. А ты иди, без тебя обойдёмся.

Джуракул понуро поплёлся к реке. За ним по пятам важно вышагивала учёная собака. Джуракул, наверное, голыми икрами чувствовал её дыхание. Признаться, мне не очень бы хотелось быть на его месте.

Я сделал всё, что просила Джамиля. Даже отвёл «серо-буро-малинового» осла хозяину, а Джуракула всё не было. Джамиля встретила меня у калитки.

— Алапар, иди с ним, слышишь? Не отпускай его!..

— Стирает всюду,— сказала она, смеясь.— Я уже ходила, смотрела. Любая девчонка позавидовала бы — так ловко стирает.

Она, оказывается, не такая уж вредная девчонка.

— Хочешь, покажу тебе беркута? — Она посмотрела на меня и засмеялась.— Не бойся, Алапар сейчас у реки. А потом, ты, кажется, неплохой мальчик.

Джуракул пришёл через полчаса. Рядом с ним мирно шёл Алапар.

— Это не собака, а дьявол с помесью осла! — кричал Джуракул ещё издали.— Ни минуточки отдыха не дала — так и тычется носом в спину.

Подойдя к Джамиле, он сбросил мешок на землю.

— Бери своё бельё, заноза.

— Не торопись, дай погляжу, хорошо ли выстирал. Ага, вот эту рубашку совсем не отжимал. Ты, наверное, её последней стирал и очень торопился. Когда работаешь, нельзя торопиться. На, выжми хорошенько.

Джуракул покорно взял рубашку, отжал.

— Алапар, иди на место! — крикнула тогда Джамия.

Джуракул вздохнул, обтёр руки и, повернувшись, тихо пошёл к выходу.

— Эх, побил бы я её,— сказал он на улице.— Да жалко, и так она мучается. У неё недавно мама умерла. Всё сама делает: и стирает и готовит.

— Ведь и правда, ей, наверное, очень трудно.

— Ещё как! — сказал Джуракул и оглянулся.

В дверях стояла Джамия. Маленькая, худенькая девочка, и глаза её смотрели печально и устало.

— Джуракул! — тихо позвала она.— Ты поклялся побить меня, и я знаю, ты обязательно побьёшь, раз дал слово. Лучше сделай это сразу, сейчас.

Джуракул отвернулся и махнул рукой:

— Ладно уж...

— А как же теперь тебя звать? — повеселевшим голосом спросила Джамиля.

— Джуракулом, как же ещё! — гордо ответил Джуракул и улыбнулся. — Разве плохое имя — Джуракул? Джура — ведь это друг!

А ведь правда, неплохое имя у моего нового друга?

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна чинары	3
Очкарик	14
Это надо выяснить	22
Жеребёнок	29
Сели в галошу	39
Беркут	50

Для младшего возраста

Латиф Махмудов

БЕРКУТ

Ответственный редактор Р. Д. Кафризлянд. Художественный редактор В. А. Горячева. Технические редакторы Г. В. Лазарева и Г. Г. Стан. Корректор В. К. Мирингоф. Сдано в набор 1/VIII 1974 г. Подписано к печати 29/XI 1974 г. Формат 60×84^{1/4}. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 3,72. Уч. изд. л. 2,71. Тираж 150 000 экз. Заказ № 3223. Цена 12 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Рославлополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.